Курусканова Наталия Петровна

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ СИБИРСКИХ СОЦИАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XX В.: СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

Статья раскрывает новые подходы к анализу эффективности нелегальной издательской деятельности, развернутой сибирскими социалистами в начале XX в. Автор акцентирует внимание на специфике содержания нелегальных изданий. С семиотической позиции рассмотрено воздействие партийной литературы социалистов на разные слои сибирского общества накануне и в период Первой революции, в межреволюционное десятилетие. Сделан вывод о наибольшей ее эффективности во время максимального подъема общественного движения - в годы Первой и кануна Второй революций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 98-102. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 947(470):002.2(571.1/5)

Статья раскрывает новые подходы к анализу эффективности нелегальной издательской деятельности, развернутой сибирскими социалистами в начале XX в. Автор акцентирует внимание на специфике содержания нелегальных изданий. С семиотической позиции рассмотрено воздействие партийной литературы социалистов на разные слои сибирского общества накануне и в период Первой революции, в межреволюционное десятилетие. Сделан вывод о наибольшей ее эффективности во время максимального подъема общественного движения – в годы Первой и кануна Второй революций.

Ключевые слова и фразы: Сибирский регион; организации социалистов; издательская деятельность; бесцензурная партийная печать; социальная направленность печатных изданий; политический дискурс; эффективность печатной пропаганды.

Наталия Петровна Курусканова
Кафедра истории и социальных коммуникаций
Кубанский государственный технологический университет
kurusknp03@yandex.ru

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ СИБИРСКИХ СОЦИАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XX В.: СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО©

Сибирские социалисты в течение 1901 – февраля 1917 г. в своей деятельности среди разных слоев местного общества, наряду с устной агитацией и пропагандой, активно применяли бесцензурную партийную печать собственного производства. В нелегальную издательскую сферу были включены не менее 48 эсдековских и 25 эсеровских организаций, по одной организации эсеров-максималистов и Бунда. Энесы, придерживавшиеся более умеренной, чем у других социалистов, тактической линии, своих нелегальных изданий не выпустили. Они участвовали только в легальной прессе [3, с. 112; 6; 8, с. 8, 39-41; 9, с. 6, 35-37]. Основными издающими организациями являлись крупные и сильные в организационном отношении формирования РСДРП и ПСР, следовавшие тактике «левого блока»: Комитет Сибирского союза РСДРП, Томский, Омский, Красноярский, Иркутский, Читинский, Барнаульский комитеты РСДРП, Курганская группа РСДРП, Областной комитет Сибирского союза ПСР, Омский, Томский, Красноярский, Иркутский, Читинский комитеты ПСР. Социалисты в своей издательской деятельности руководствовались указаниями партийных центров и решениями сибирских партийных форумов, учитывавших сложившуюся в крае общественно-политическую обстановку. Опираясь на свою полиграфическую базу, социал-демократы Сибири в течение изучаемого периода выпустили не менее 1 696 наименований листовок общим тиражом около 3,5 млн экз.; эсеры – не менее 566 листовок тиражом более 890 тыс. экз.; максималисты – 7 наименований листовок тиражом 8 тыс. экз.; бундовцы – 1 листовку [6; 8, с. 41; 9, с. 40]. Выпуск листовочной литературы стал ведущим направлением их издательской работы. В этом плане местное социалистическое подполье не отличалось от организаций в европейской части страны. Наряду с листовками местные эсдеки нелегально опубликовали не менее 45 наименований брошюр (тираж 24 из них – 129 102 экз.), 29 газет, 6 журналов; эсеры – не менее 35 брошюр (тираж 14 – 32 391 экз.), 20 газет, 11 журналов. Нелегальная газетная и журнальная пресса, так же как и легальная партийная, была немногочисленной и кратковременной. Как и в европейской России, издательская деятельность местных эсеров несколько уступала по количественным показателям эсдекам [7, с. 244; 8, с. 41; 9, с. 40].

Обратимся к анализу эффективности печатной пропаганды социалистов. По справедливому замечанию К. Н. Морозова, «проблема влияния партийной и “направленческой” литературы на те слои населения, к которым она апеллировала, настолько же интересна, насколько и неясна. Неясность во многом порождена отсутствием источниковой базы, способной осветить эту проблему “обратной связи”, проблему эффективности партийной пропаганды. Лишь в отдельных случаях эта связь становится осязаемой и поддающейся хоть какому-нибудь анализу». Историк подчеркнул, что до сих пор не разработана методика изучения этой проблемы [10].

В данной статье мы попытались обозначить некоторые подходы к решению указанной проблемы, используя материалы нелегальной печати сибирских социалистов начала XX в. Приведем наиболее распространенные в отечественной историографии оценки эффективности печатной пропаганды, осуществлявшейся социалистами в Сибирском регионе в начале XX в. Так, Ф. Г. Виноградов считал, что конкуренты эсдеков – социалисты-революционеры «имели очень слабое, мало заметное влияние на рабочие массы... Это показывало силу и влияние с.-д. в Сибири, и в этом, конечно, была заслуга и рабочей печати» [2, с. 31-32]. П. Черкасов, изучавший революционное движение в войсках Сибирского военного округа в годы Первой российской революции, отметил, что печатное слово социалистов было недоступно основной массе местных жителей и солдатам ввиду их неграмотности. Более эффективной он считал устную пропаганду, проводимую социалистами на митингах. Поэтому, несмотря на напряженную работу представителей революционных партий в сибирских запасных батальонах, им не удалось привлечь солдат на сторону революции [13, с. 275-276].

© Курусканова Н. П., 2012

По мнению В. М. Самосудова и ряда других советских историков, большевистская печать в Сибирском регионе в годы Первой революции оказала громадное влияние на политическое просвещение рабочего класса, мелкобуржуазной революционной демократии, всех «средних слоев». Для подтверждения своих выводов исследователи приводили соответствующие высказывания современников о воздействии на них талантливо написанных произведений бесцензурной партийной печати, отрывки из рапортов жандармов и полицейских о распространении, изъятии у населения нелегальных изданий, влиянии их содержания на настроения масс и т.п. [12]. Историк Н. В. Блинов отмечал, что для выработки в массе населения края политической культуры, элементов социальной самоидентификации, гражданского самосознания, способности к адаптации в условиях модернизации деятели культурно-просветительного движения сделали гораздо больше, чем революционные политики [1, с. 6]. С. П. Исачкин писал о неэффективности нелегальной печатной агитации, развернутой сибирскими социалистами. По его словам, социалистические идеи не были восприняты значительным большинством местных рабочих и интеллигентов, большее влияние на них имели либералы [4; 5]. По мнению Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского, в ходе ожесточенной борьбы за свои интересы сибирское крестьянство подверглось воздействию различных политических партий и объединений, но осталось, по сути, аполитичным. Вместе с тем влияние социалистических партий в среде демократической интеллигенции сыграло значительную роль в формировании субъективных предпосылок грядущих революций [11, с. 158-190].

У нас нет оснований для однозначных оценок. Многолетнее изучение истории нелегальной издательской деятельности сибирских социалистов в начале XX в. позволяет сделать следующие выводы. Эффективность воздействия бесцензурной партийной печати социалистов на население Сибирского региона в разные периоды зависела от целого комплекса факторов. Вначале выясним отличия нелегальной печати от официальной. Нелегальные печатные издания были бесцензурными, они открыто говорили об острых темах, замалчиваемых или тенденциозно трактуемых официальными СМИ. Информация, содержавшаяся в них, в основном была достоверной. Авторы нелегальных изданий предавали гласности дискредитирующие власти факты и события. Причем при освещении тех или иных сюжетов авторами учитывались особенности психологии и менталитета читателей – представителей разных категорий сибирского общества. Немаловажное значение для повышения эффективности бесцензурной партийной печати имела ее обратная связь с читателями. Члены редколлегий нелегальных печатных органов нередко призывали читателей присылать свои материалы. На страницах нелегальных изданий часто публиковались письма читателей, их отклики на публикуемые материалы и т.д. Читателям импонировала демократичность изданий социалистов, их доступность. Выпущенные социалистами листовки, газеты, журналы, брошюры являлись социально ориентированными. По нашим подсчетам, 558 (32,9% от общего количества) эсдековских и 244 (43,1%) эсеровских листовок, изданных в 1901 – начале 1917 г., адресовались всем гражданам, остальные – рабочим, партийцам, интеллигенции и служащим, студенческой и учащейся молодежи, крестьянам, солдатам и казакам [8, с. 42; 9, с. 38].

До Первой российской революции говорить о сколько-нибудь значительном влиянии печатной пропаганды социалистов на сибиряков не приходится. Ею были охвачены лишь немногочисленные партийцы, авангард рабочего класса региона – железнодорожники, типографские рабочие, а также демократическая интеллигенция и студенческая молодежь. Издания, выпущенные местными социалистами, распространялись в основном в городах. Однако постепенно ареал их распространения расширялся. Благодаря деятельности агитаторов и распространителей нелегальные издания проникали во все слои сибирского общества, о чем свидетельствуют рапорты жандармов. В 1905 г. произошел всплеск спроса сибиряков на печатную продукцию. Причиной этого послужило повышение социальной активности всех слоев населения и вовлечение их в политическую жизнь страны, вызванные русско-японской войной и началом революции. Политизированность общества, обеспечивавшая потребность в общественно-политической печати, сохранялась в течение всей революции. Массовая бесцензурная литература общественно-политической тематики, издаваемая местными социалистическими формированиями, пыталась удовлетворить этот возросший читательский спрос. Жесткие цензурные условия, гонения властей на демократическую прессу вынудили организации РСДРП и ПСР в ходе революции отказаться от легальных изданий, всецело обратиться к подпольному печатному станку. Издательская деятельность сибирских социалистов развивалась в том же темпе, что и революционные события в стране и регионе. Их нелегальная печать показывала своим читателям более или менее целостную картину общественно-политических событий, происходивших в крае и стране в целом. Конечно же, она не была лишена противоречий, поскольку жизнь в период Первой революции менялась так быстро, что идеологи не поспевали за ней. Отметим, что в эпоху революции местные социалистические организации, как и центральные партийные издательства, взяли курс на дифференциацию своей печати. Это выразилось в выпуске ими специальных изданий для рабочих, крестьян, солдат, служащих, молодежи в качестве органов партийных формирований, Советов, профсоюзов, военных комитетов, студенческих союзов и др. Сибирским социалистам удалось создать устойчивое издательское дело, а их легальная и нелегальная печать постепенно сложилась в стройную систему, включавшую в себя издания разного типа. Во время революции Сибирский регион был насыщен нелегальным печатным словом, не отставая в этом отношении от европейской России. В межреволюционный период социалистическое подполье Сибири функционировало в сложной, часто менявшейся обстановке. В это время происходило угасание интереса сибиряков к общественно-политической литературе. Причинами данного явления послужили не только усилившиеся репрессии властей, но и усталость народных масс от революционных потрясений. Спрос на нелегальную литературу сохранялся у партийцев, передовых рабочих, студенческой и учащейся молодежи, политссыльных. Кроме

того, цензурные условия стали более благоприятными для развития легальной, преимущественно центральной партийной печати. С 1910 г. происходил распад рядов социалистов из-за нарастания ликвидаторских устремлений, а затем патриотических настроений в начале Первой мировой войны, что также наложило отпечаток на численность и содержание их нелегальных изданий. В межреволюционное десятилетие упадок нелегальной издательской деятельности социалистов компенсировался их активным участием в легальной прессе. В некоторых городах края социалистам удалось взять под свой контроль издание отдельных газет и журналов демократической направленности, что позволило расширить читательскую аудиторию. Сибирские социалисты, как и социалисты других регионов, по-прежнему сочетали легальные и нелегальные средства в своей издательской работе. Их издания представляли собой составную часть провинциальной печати. В межреволюционный период типологический «этаж» политико-партийных изданий никуда не исчез, хотя масштабы их распространения в силу указанных факторов существенно сократились. Сибирский регион и в этом плане мало отличался от других российских территорий.

Для оценки эффективности нелегальной печати сибирских социалистов необходимо также обратиться к анализу ее содержательной стороны. Авторы нелегальных изданий понимали, что без учета особенностей менталитета разных категорий населения Сибири эффективность их печатной пропаганды, стремившейся сформировать новую политическую культуру населения, оказалась бы очень низкой. Поэтому они ориентировались на специфику менталитета и жизненные ценности сибиряков, отличавшие их от жителей европейской части страны. Современники считали, что сибиряки предприимчивее и энергичнее жителей центральной России, а важнейшей чертой местного образа жизни является демократизм. Вследствие этого стиль и манера изложения агитационно-пропагандистского материала, адресованного разным социальным группам, используемые в нем примеры из общественно-политической жизни, уже имевшегося опыта участия в общественно-значимых событиях, цитаты из литературы, религиозных книг и т.п. существенно отличались. Это свидетельствовало о высокой способности адаптироваться к конкретной читательской аудитории.

События, происходившие в России в течение 1901-1917 гг., сопровождались глубокими изменениями в политической лексике. Поэтому, рассматривая эффективность печати социалистов с семиотической позиции, отметим, что наиболее успешно революционная печатная агитация добивалась делегитимизации правящего режима путем внедрения новой политической лексики. Делалось это как преднамеренно, так и по «объективно достигаемому результату». Приводимая на страницах этих изданий аргументация с политическим подтекстом, не в пользу властей, выглядела последовательной, а пропагандистские приемы были достаточно умелыми. В это же время происходило зарождение новых революционных мифов и речевых оборотов, ставших впоследствии типичными. Авторы нелегальных изданий стремились к тому, чтобы их читатели овладевали новым политизированным языком, приучались к нему. Заметим, что язык революции стал для сторонников социалистических партий, а также сочувствующих им вполне привычным. В сознание сибиряков он начал проникать еще раньше – со второй половины XIX в., поскольку являлся частью языка политссыльных, либеральной, народнической и социалистической интеллигенции, которые на протяжении нескольких десятилетий навязывали населению, в том числе и через печать, определенные языковые штампы и символы. В частности, часто используемые в нелегальной прессе термины «царизм», «самодержавный режим», «царские сатрапы», «слуги царского режима», «шайка воров», «банда казнокрадов» и т.п. не вызывали в широких слоях населения Сибирского региона отторжения, непонимания или негодования, а, скорее, воспринимались как справедливое и адекватное обозначение правящего режима и его адептов. Умелая аргументация, подчас не чуждая демагогии, использование привычных языковых конструкций ставили революционеров в более выгодное, чем у их оппонентов, положение. Народные массы иногда даже чисто интуитивно, но нередко вполне сознательно впитывали новый политический дискурс. Использование политизированного языка, на наш взгляд, служило одним из действенных инструментов воздействия социалистов на население.

Краеугольным камнем, на котором строилась вся печатная агитация и пропаганда социалистов, являлось отрицание права частной собственности. Леворадикальная печать, указывая на ту пропасть, которая разделяла в России богатых и бедных, тем самым объединяла всех обездоленных и бесправных именно на почве отрицания частной собственности. Такая пропаганда воспитывала ненависть и презрение к богатым и богатству вообще. Лозунги вооруженной борьбы с существующим режимом также постоянно присутствовали на страницах партийных изданий. Упрощенные схемы социалистической теории, а также построенная на их основе тактика находили в народных массах достаточно широкий отклик, особенно во время политического кризиса, в котором пребывала страна в 1905-1907 гг. В то же время абстрактные и непоследовательные рассуждения либералов о свободе и гражданском обществе оставляли народ равнодушным.

Поражение Первой революции предполагает вывод о неэффективности социалистического движения в регионе, в том числе нелегальной издательской деятельности. Впрочем, определенный результат в виде повышения политической культуры местного населения, а также сочувствия некоторой его части социалистическим идеям и их носителям, революционерам, был достигнут. Кроме того, печатная пропаганда и агитация социалистических партий явно привела, причем уже к исходу революции, к усвоению самыми широкими слоями населения нового политического лексикона. Он был усвоен как в той части, которая совпадала с политическим дискурсом либерально-оппозиционного движения, так и в его специфически революционной, социалистической части. В дальнейшем это способствовало упрощенному восприятию широкими массами программных и тактических установок социалистов. В межреволюционный период осязаемого воздействия партийной литературы на разные слои общества не наблюдалось. Между тем многие листовки,

журналы, газеты и брошюры, выпущенные сибирскими социалистами, имели свою специализацию и своего конкретного адресата, пользовались у него популярностью. Можно сказать, что шел посев идей и лозунгов. Революционный политический дискурс не исчез ни в период столыпинской стабилизации, ни во время нового революционного подъема, а в годы Первой мировой войны явно актуализировался. В начале 1917 г. Россия вновь стояла на пороге революции, антиправительственные настроения доминировали у разных социальных групп. Социалисты постепенно наращивали свое влияние на массы, выпускали листовки с четкими революционными лозунгами, интенсивно вели устную летучую агитацию. Их нелегальные издания с уверенностью заявляли о близости революции. К этому времени революционный дискурс обрел завершенный, устойчивый и привычный характер, что свидетельствовало о самой высокой степени общественной изоляции самодержавной власти. Следовательно, преобладающая популярность политического дискурса социалистов над лексиконом властных кругов означала не что иное, как важную идеологическую победу. Поскольку для подавляющего большинства населения Сибирского региона характерными являлись низкий уровень политической культуры, неприятие либеральных ценностей, бескомпромиссность, неумение и нежелание идти на диалог, то пропагандируемые нелегальной печатью социалистов резкие формы выражения недовольства, ориентация на силовой вариант решения имеющихся проблем имели успех во времена подъема социальной активности. Авторы нелегальных изданий с помощью идеологического программирования умело выстраивали приемлемый для себя образ читателя. Не преувеличивая значения нелегальной печатной агитации, развернутой сибирскими социалистами, подчеркнем, что ее эффективность намного увеличивалась при условии ее сочетания с устной пропагандой.

Таким образом, социалисты смогли успешно осуществлять идейное воздействие на местное общество посредством печатного слова с наибольшей эффективностью во время максимального подъема общественного движения – в годы Первой и кануна Второй революций. Использованные нами новые подходы к анализу содержания нелегальных изданий позволяют сделать вывод о том, что бесцензурная партийная печать сибирских социалистов была достаточно развита и приспособлена к формированию и выражению значительного спектра общественного мнения. Она стала важным компонентом информационного пространства Сибирского региона начала XX в. Опыт партийной нелегальной издательской деятельности, накопленный членами сибирских социалистических формирований в течение 1901-1916 гг., во многом оказался востребован ими во время подготовки и проведения Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Уже в ходе февральских событий 1917 г. началось возрождение местных организаций РСДРП, Бунда, ПСР, максималистов, энесов. Социалисты оказались в своей родной стихии, теперь проявились зримые всходы их идеологической работы. В контексте революционной ситуации 1917 г. печать приобрела невиданную прежде общественно-политическую значимость. Партийная печать продолжала оставаться инструментом влияния на массы и после Октябрьской революции 1917 г. Произошла относительно быстрая адаптация большинства населения к политико-идеологической реальности в период становления Советской власти. Она облегчалась знакомством масс с новым политизированным языком, что было достигнуто усилиями нелегальной печати социалистических партий.

Список литературы

1. **Блинов Н. В.** К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895-1917 гг. Томск: ТГУ, 1995. Вып. 2. С. 3-23.
2. **Виноградов Ф. Г.** Рабочая печать Сибири: исторический очерк // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 3-65.
3. **Зиновьев В. П.** Дополнение к «Хронике рабочего движения в Сибири» // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895-1917 гг. Томск: ТГУ, 1994. С. 110-113.
4. **Исачкин С. П.** О степени влияния социал-демократических идей на учащуюся молодежь и интеллигенцию Сибири: историографическое осмысление проблемы на материалах советского периода // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций: XVIII-XX вв. Омск: Сиб. фил-л Рос. ин-та культурологии; ОмГУ, 1995. Т. 1. Интеллигенция и многоликость культуры российской провинции. С. 67-70.
5. **Исачкин С. П.** Очерки историографии социал-демократического движения Сибири: 1907-1917 гг. Омск: Омск. гос. ун-т путей сообщения, 2001. 184 с.
6. **Курусканова Н. П.** Из истории «Забайкальской группы социалистов-революционеров максималистов» // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (г. Омск, 28-29 сент. 2000 г.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. Ч. 1. С. 182-188.
7. **Курусканова Н. П.** Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов в период Первой российской революции: 1905-1907 гг. Томск: ТГУ, 2007. 260 с.
8. **Курусканова Н. П.** Нелегальные издания сибирских социал-демократов: 1901 – февраль 1917 г. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. 188 с.
9. **Курусканова Н. П.** Нелегальные издания сибирских эсеров: 1901 – февраль 1917 г. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 127 с.
10. **Морозов К. Н.** Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov3/index.htm (дата обращения: 05.05.2012).
11. **Резун Д. Я., Шиловский М. В.** Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 194 с.
12. **Самосудов В. М.** Большевики Сибири в борьбе против царизма: 1894 – февраль 1917 г. Иркутск: Иркут. ун-т, 1987. 213 с.
13. **Черкасов П.** Революционное движение в войсках Сибирского и Туркестанского военных округов // 1905: армия в Первой русской революции: очерки и материалы. М. – Л., 1925. С. 234-337.

SIBERIAN SOCIALISTS' ILLEGAL PUBLICATIONS AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY: CONTENT SPECIFICITY AND EFFECTIVENESS OF INFLUENCE ON LOCAL SOCIETY

Nataliya Petrovna Kuruskanova
Department of History and Social Communications
Kuban' State Technological University
kurusknp03@yandex.ru

The author reveals new approaches to the analysis of illegal publishing activity effectiveness expanded by Siberian socialists at the beginning of the XXth century, pays special attention to the specificity of illegal publications content, considers from semiotic position the influence of Socialist Party literature on different Siberian society strata on the eve and during the First Revolution, in inter-revolutionary decade; and makes the conclusion about its greatest efficiency during the maximum rise of social movement - during the First and on the eve of the Second Revolutions.

Key words and phrases: Siberian region; socialist organizations; publishing activity; uncensored party press; social-oriented printed publications; political discourse; printed propaganda effectiveness.

УДК 343.814:331.101:622.32(470.13)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с трудоиспользованием спецконтингента гулаговских образований при освоении топливной базы на Европейском Севере России. Основное внимание автор акцентирует на характеристике трудовых ресурсов, рассматривая их в контексте мобилизационной модели, апробированной властью в процессе колонизации труднодоступных территорий страны.

Ключевые слова и фразы: Европейский Север России; топливная база; нефть; уголь; война; лагеря ГУЛАГа; трудовые ресурсы; мобилизация.

Андрей Николаевич Кустышев, к. ист. н.
Кафедра истории и культуры
Ухтинский государственный технический университет
akustyshev@ugtu.net

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ГУЛАГА ПРИ ОСВОЕНИИ ТОПЛИВНОЙ БАЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГГ.: МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ©

Модернизационный импульс в СССР второй половины 1920-х гг. имел четкие характеристики догоняющей модели модернизации. В данных условиях особую значимость приобретали мобилизационные ресурсы, которыми располагала власть на рубеже 1920-1930-х гг. Экономическое поведение государства теряет рациональность: главным требованием к предприятиям и отраслям становится не достижение рентабельности, а выполнение планов в кратчайшие сроки при ограниченном количестве ресурсов. В рамках такой модели эффективными становятся хозяйственные структуры, способные быстро концентрировать ресурсы на определенных объектах. Утверждение таких основ социально-экономической политики способствовало превращению ОГПУ в хозяйственное ведомство, распоряжавшееся огромными подневольными, а следовательно, мобильными людскими ресурсами [10, с. 275].

Мобилизационная модель, предполагающая трудоиспользование спецконтингента гулаговских образований, была апробирована властями в процессе колонизации труднодоступных территорий, в частности, Европейского Севера России.

Наиболее интересны с исследовательской точки зрения периоды, в ходе которых советская экономическая система эволюционировала в направлении максимальной мобилизации всех людских и материальных ресурсов, определявших ее конкурентоспособность, способность сосредоточиться на реализации наиболее приоритетных народнохозяйственных объектов. Вторая мировая война, начавшаяся в 1939 г., являлась тем вызовом, ответом на который стали изменения во всех секторах экономики, мобилизация внутренних резервов. Одним из таких резервов были трудовые ресурсы, которыми располагали системообразующие элементы ГУЛАГа - исправительно-трудовые лагеря.

Рассмотрим мобилизационный аспект эволюции системы принудительного труда в контексте развития удаленных от прифронтовой полосы, богатых природными ресурсами региональных народнохозяйственных комплексов, в том числе имеющих топливно-энергетическое значение.

В предвоенный период гулаговский сектор топливной промышленности, не отличаясь значительными параметрами производства и крупным удельным весом в топливном балансе СССР (по углю – 3,7% в общесоюзной добыче), тем не менее, выполнял важную народно-хозяйственную задачу. Топливная промышленность

© Кустышев А. Н., 2012